

Иван Аладышкин: Старая и добрая история российского анархизма
Ivan Aladyshkin (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Russia): The good old history of Russian Anarchism

DOI: 10.31857/S2949124X23060111, EDN: NSQBB1

Казалось бы, в настоящее время недостатка в работах по анархизму нет. Наоборот, судя по количеству издаваемой литературы, посвящённой как отечественным, так и зарубежным поборникам идей безвластия, наблюдается своеобразный всплеск публикационной активности. Авторы обращаются к исследованию малоизвестных страниц истории российского анархизма, осуществляют републикации произведений многих его теоретиков, выпускают сборники документов. Стал широко доступен колоссальный массив соответствующей периодики. Весь этот разрозненный материал требовал обобщения с целью перехода на новый этап в осмыслении истории российского анархизма, приближения к более адекватному и целостному представлению о сущности этого общественно-политического феномена.

В чём же новизна очередного труда и своеобразного итога многолетней работы Д. И. Рублёва над различными аспектами заявленной проблематики? Книга состоит из введения, 12 глав и заключения. Раскрываются сменяющие друг друга периоды развития движения (за исключением главы об анархистской эмиграции, несколько нарушающей чёткую хронологическую последовательность). Такое деление выглядит оправданным в свете авторского стремления к комплексной реконструкции истории российского анархизма как «целостной теоретической традиции» с определённой преемственностью и общими специфическими чертами. В то же время избранный подход оказался одним из главных проблемных моментов книги, заметно осложняющим её восприятие.

Дело в том, что очевидное читателю структурное деление материала сводится лишь к хронологической последовательности. При этом объём публикации по сравнению с трудами предшественников заметно вырос за счёт ранее неизвестных и редко вводимых в оборот документов, а также отсылок к значительному массиву исследований. Главы пространны, отсутствие внутренней

разбивки на разделы с характерной для автора страстью к деталям заметно осложняет ориентацию в потоке имён, дат и описываемых событий. Это не так страшно тем, кто, как говорится, «в теме» и имеет общее представление о рассматриваемой истории, но несведущему читателю заранее сочувствуешь. Создаётся впечатление, что книга написана специалистом для специалистов, и характер изложения только подчёркивает её элитарный дух.

Страсть к деталям присуща многим историкам и, в случае с Рублёвым, она впечатляет в небольших работах об отдельных страницах истории анархизма. Однако в объёмной монографии, посвящённой столь многогранной теме, эту страсть следовало бы подчинить жёсткому критическому отбору материала. Между тем автор слишком увлечён темой и порой его подход к селекции информации основывается, прежде всего, на степени представленности имён и событий в иных работах по истории анархизма. И уж если Рублёв располагает биографическими данными активистов российского анархизма, обойдённых вниманием исследователей, то следовало бы сделать пространные отступления и несколько страниц посвятить описанию их жизненного пути (как в случае с С. Романовым, И. Гейцманом или Л. Фишелевым). Однако при написании общей истории российского анархизма это не всегда оправдано. В результате происходят «разрывы» повествования, а главное — смещение приоритетов, когда даже отдельные ключевые фигуры порой оказываются в тени.

Не стоит списывать обилие цитат, выдержек из документов, биографических справок исключительно на культ «фактов», хотя дух его в книге вполне очевиден. Предлагаемый автором вариант нарратива можно рассматривать как возрождение в отечественной историографии анархизма повествовательного подхода (в противовес тенденции к увлечению авторскими оценками, взглядами и концепциями). При этом Рублёв стремится не просто к изложению фактов и максимально точной передаче содержания источников, но к истории без схематизации, без отступлений, без ломки исторической процессуальности. В результате же, например, сведения об организационной структуре, численности, социальном составе анархистских организаций приводятся в общем контексте, спорадично и не всегда в соответствии с общими принципами изложения. И без того сложный для восприятия нарратив отягчается отсутствием дополнительных справочных материалов или приложений (с классификацией течений, списками организаций и т.д.). К сожалению, нет именного указателя. Нет и характеристики источниковой базы, а этого очень не хватает, так как автор собрал богатейший материал.

К недостаткам работы можно отнести и то, что анализ программных и теоретических оснований различных течений и организаций российских анархистов не выделен структурно, не сбалансирован по объёму. Ряд конструктивных проектов социальных преобразований, как правило, коммунистического либо синдикалистского толка, рассматривается довольно подробно. На этом фоне иные анархизмы (например, индивидуалистический или мистический) практически неразличимы. Гермафродитизму одного из известных анархистских командиров времён Гражданской войны — Маруси (М.Н. Никифорова) уделено куда больше внимания, нежели воззрениям апологетов анархо-индивидуализма. Анализ теоретических основ привязан, скорее, к тактике и актуальной политической повестке движения, что лишь усиливает фрагментарность, раздробленность репрезентации идеологических положений, общего движения анархистской мысли и развития её ключевых направлений.

Сосредоточенность преимущественно на событийной истории, когда связь между событиями задаётся во многом хронологической последовательностью, рождает ассоциации с хроникой. Действительно, среди относительно цельных историй российского анархизма работу Рублёва отличает более подробное и в известном смысле связное изложение событий. Но порой оно недостаточно систематизировано и обобщено, что особенно заметно в главах, посвящённых годам революций (главы 3, 7, 8). При этом очевидным преимуществом монографии, во многом оправдывающим упомянутые недостатки, оказывается реконструкция на богатом документальном материале истории тех периодов российского анархизма, которые ранее затрагивались очень кратко либо вообще оставались «за кадром».

Весомые фактологические дополнения, углублённый анализ дискуссий в среде анархистов, программных положений их организаций заметны во всех главах. Особенно следует отметить обзоры и оценки полемики в анархистской среде по вопросам отношения к Первой мировой войне (глава 5) и революционному процессу в 1917–1921 гг. (главы 6–8), а также разработку отдельных сюжетных линий, связанных со стратегией и тактикой ряда анархистских организаций.

Важнейшим достоинством книги, определяющим её безусловную ценность, стали разделы о советской эпохе (середина 1920-х – 1980-е гг.), а также о периоде анархистской эмиграции (1922–1966). Некоторые сведения об этом присутствуют в более ранней историографии. Здесь же впервые приведён впечатляющий своей обстоятельностью обзор истории анархизма и его сторонников в СССР и за его пределами. Материалы только упомянутых глав вполне можно рассматривать в качестве отдельной монографии. Между тем автор успешно вписывает их в общий контекст российского анархизма.

Книгу Рублёва можно считать продолжением предшествующих ей обобщающих исследований В.Д. Ермакова и В.В. Кривенького, что в очередной раз доказывает «живучесть» модели реконструкции прошлого анархизма, сложившейся в отечественной историографии. Эта модель, по сути, определяет основное русло научных изысканий на протяжении многих лет. Отклонения от неё довольно редки и встречаются преимущественно на периферийных участках изучения эволюции анархизма, привлекая внимание прежде всего специалистов, углубляющихся в изучение философских, культурологических, лингвистических и других нюансов наследия отечественных апологетов безвластия. Уже для первых его исследователей, а затем и советских историков была характерна сосредоточенность на анализе революционной практики анархо-коммунистов и синдикалистов. При этом мирные, литературные формы антиэтатизма, далёкие от рабочей или крестьянской массы, не вызывали особого интереса. Схожая расстановка приоритетов просматривается и во всех последующих объёмных работах по истории анархизма в России.

Исследование Рублёва не стало исключением. Введение к монографии открывается фиксацией двух событий, заставивших «многих, в том числе и многочисленных претендентов на власть», заговорить о героях книги (с. 6). Показательно уже то, что речь идёт не об идеях, людях и даже не о движении, а о событиях. Выбор последних, очевидно, также не случаен: выделяются выступление Н.И. Махно против политики большевиков и покушение анархистов на В.И. Ленина. Возможно, подобный подход обусловлен стремлением Рублёва привлечь внимание к предлагаемому нарративу и несколько актуализировать

его. Бесспорно, оба события — знаковые. Но вряд ли их можно назвать ключевыми для российского анархизма в целом, а «многие» говорили о нём и до, и после упомянутых событий 1919 г. Да и зачем делать такие очевидные акценты на борьбе с большевистским режимом? Буквально через несколько страниц автор заявляет об отказе от рассмотрения анархизма с позиций тех или иных политических сил, с позиций «победивших» либо «проигравших». Однако выделенные фрагменты эпохи Гражданской войны акцентируют внимание не на исторических альтернативах (как, судя по всему, полагал исследователь), а на той же дилемме победителей и побеждённых. Подчеркну, что сегодня эти события уже не имеют прежнего значения в истории российского анархизма. Они были намного важнее для советских историков в их традиционных описаниях противостояния анархистам.

Российский анархизм — предельно эклектичный феномен. Кардинальные трансформации движения в силу изменения социокультурных условий его существования в столь нестабильном и динамичном XX столетии, поразительное многообразие порой плохо согласующихся между собой «анархизмов» и форм их активности — всё это нередко приводит в замешательство. Действительно, мистический анархизм, укоренённый в декадентской эстетике, имеет мало общего с анархо-коммунизмом, а глубоко религиозное толстовство с его принципами ненасилия плохо вяжется с Махновщиной. Но повышенное внимание к действию и скромный анализ теоретических основ с игнорированием литературных форм анархизма приводили к тому, что долгое время из сферы интересов историков «выпадал» чуть ли не весь неклассический извод изучаемого явления, в корне отличавшийся от образа мыслей и действий сторонников анархо-коммунизма. К тому же в отношении многих течений в российском анархизме не эффективны стандартные принципы анализа с фиксацией числа сторонников и групп, периодических изданий, тиражей отпечатанных листовок, совершённых терактов, экспроприаций и т.п. Заметное изменение и расширение историографических практик за последние десятилетия даровало надежду на возможность качественного обновления нарратива, самого характера репрезентации истории российского анархизма. Однако Рублёв со всей очевидностью следует устоявшейся научной традиции.

Сохранение в рецензируемой книге прежнего ракурса освещения судьбы анархизма неизбежно воспроизводит и прежнюю диспропорцию в освещении различных составляющих движения. Приоритеты авторского внимания очевидны уже по заголовкам структурных частей книги. Так, третья глава отведена периоду Первой российской революции, но в её названии — «Расширить борьбу и направить её одновременно против капитала и против государства (1905—1907 гг.)» — использована цитата из выступления Кропоткина на страницах органа анархо-коммунистов «Листки “Хлеб и воля”»¹⁶. Какое отношение эти призывы имели к ряду анархо-индивидуалистов, мистическим анархистам, представителям иных течений в анархизме либо в разной степени сочувствующих ему, коих также было не мало? Заголовок следующей главы — «Экспроприаторы, подпольщики, эмигранты (1907—1914 гг.)» — заметно сужает круг лиц, причастных к анархизму. Становится ясно, что практически всё, что не вписывается в стандартные параметры революционной борьбы, отходит на вто-

¹⁶ Кропоткин П. Революция политическая и экономическая // Листки «Хлеб и воля». 1906. 30 октября. № 1. С. 3.

рой и третий план, а если и упоминается, то кратко и вскользь, как нечто малозначительное.

Безусловно, ни одно из течений неклассического анархизма не сопоставимо с масштабами распространения анархо-коммунизма или ролью Махновщины в Гражданской войне. Между тем, например, с мистическим анархизмом в разной степени оказались связаны имена таких ключевых писателей и деятелей культуры Серебряного века, как Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, Н. Бердяев, Д. Мережковский и др. Все мирные и преимущественно литературные течения в анархизме остаются его неотъемлемой частью, а главное, они во многом определяют своеобразие именно российской истории рассматриваемого феномена. Трудно представить, где ещё могло бы произойти смешение идеалов соборности с анархистской проповедью безвластия и где ещё мог бы появиться анархо-биокосмизм. Авторское стремление к реконструкции истории отечественного анархизма как «целостной теоретической традиции» оборачивается заметным сужением «оптики» анализа. Логика повествования и все выводы, по сути, «привязаны» к деятельности сторонников анархо-коммунизма и синдикализма, что упрощает неоднозначное и многоликое явление. Концентрация же внимания прежде всего на политических аспектах движения не позволила автору выйти на более широкий — социокультурный — уровень оценки анархизма и его общественного влияния. По крайней мере, практически не анализируется широкое распространение антиэтатистских и проанархистских настроений в российском обществе. Конечно, эти вопросы могли бы стать темой отдельного исследования, но при чтении книги Рублёва подчас складывается впечатление существования лишь непосредственно самих анархистов, а также их политических оппонентов и защитников соответствующего режима. Кстати, в последних главах практически исчезают и упомянутые оппоненты с защитниками.

Вопросы о специфике и своеобразии истории анархизма в России XX в., о том, что же превращает его именно в российский анархизм, по-прежнему остаются мало востребованы в обобщающих исторических исследованиях. Некоторым исключением можно считать довольно спорный «Краткий очерк истории русского анархизма» П.В. Рябова, вышедший вслед за рассматриваемой монографией¹⁷. Но автор книги — философ, а сам очерк далёк от научно-исторического анализа в строгом его понимании. Историки же сохраняют верность устоявшимся сугубо фактологическим принципам ретроспективного анализа деятельности отечественных поборников идеалов безвластия. Судя по всему, Рублёв, прекрасный знаток источниковой базы, также не ставил перед собой задачи качественного изменения принципов репрезентации или ракурса освещения истории российского анархизма. Он сознательно сфокусировался на расширении событийного ряда, введении в оборот новых материалов, исправлении ошибок и огрехов предшественников, а главное, качественном дополнении уже известных и открытии новых страниц истории борьбы за идеалы безвластия. Таким образом, безусловно заслуживающая внимания книга представляет собой значительно расширенную, но знакомую и привычную старую добрую историю российского анархизма.

¹⁷ Рябов П.В. Краткий очерк русского анархизма. От Феодосия Косого до Алексея Борового. М., 2020.